

— Ты шутишь? Так вот зачем ты все это сделал?! — Гневно прорычала Серана, поднимая неживого снежного эльфа за шею голыми руками, и когда (бывший) арх-куратор Виртур задыхался и беспомощно извивался в ее руках, Янг и Жон не могли не согласиться с Сераной.

В конце концов, даже если не принимать во внимание тот факт, что пророчество Тирании Солнца, написанное проклятым эльфом из Обливиона (возможно, в буквальном смысле), разрушило (не)жизнь Сераны, уничтожило скайримское отделение Блюстителей Стендарра, разожгло теневую войну между кланом Волкихар и Стражами Рассвета (в которую троица оказалась втянута), и заставил Жона, Янг и Серану исследовать бесчисленные древние, экзотические и опасные места, сражаться с бесчисленными могущественными врагами, и все это в борьбе за одни лишь Свитки. Одного только поиска Лука Ауриэля было достаточно, чтобы довести троицу до предела терпения, выносливости и силы.

Свитки привели их в пещеру Даркфолл, расположенную к северо-западу от Драконьего моста. Сначала Жон вслух удивился, почему она называется «пещера Даркфолла». Но когда они перешли по веревочному мосту через глубокую пропасть, древнее дерево и изношенные веревки поддались, не выдержав веса трех человек, и они узнали, что пещера действительно была названа так удачно.

К счастью, на дне пропасти был удобный бассейн с водой, чтобы остановить их падение.

К сожалению, вода течет глубоко, а подводные течения были сильными и быстрыми. Как только они плюхнулись в воду, течение потащило их за собой, через длинный и запутанный ряд частично затопленных туннелей вглубь под землю, мимо тускло освещенных гнезд пауков размером с лошадь, пока наконец (и бесцеремонно) не выбросило их из подземного водопада в бассейн.

Который использовался как уборная для соседнего огромного гнезда пещерных троллей.

Которые все еще были там.

Оправившись после того, как они чуть не утонули (Жон никогда раньше не завидовал отсутствию потребности Сераны в кислороде), чуть не были съедены и уничтожили небольшую армию троллей, они начали исследовать пещеру, пытаясь понять, не похожа ли какая-нибудь ее часть на древнее место упокоения оружия бога.

Прошло всего полчаса поисков, прежде чем они обнаружили кое-что помимо троллей: теплое оранжевое свечение вдали, отличное от тошнотворно-зеленой биолюминесценции, характерной для пещерных грибов Скайрима. Приблизившись к нему, они попали в древнее святилище из мраморного камня, и хотя большая часть окружения обрушилась, центральное сооружение осталось нетронутым.

На всякий случай, если у них возникли сомнения, на святилище был изображен символ солнца, чтобы показать, что они на правильном пути.

Конечно, в обветшалом святилище не было лука. Это было бы слишком удобно, слишком просто.

Вместо этого они обнаружили бледнокожего эльфа в белых как снег доспехах, который сидел у костра и с дружелюбной улыбкой подзывал их поближе, говоря: — Проходите вперед. Здесь вам нечего бояться.

Эльф представился рыцарем-паладином Гелебором и представил им «Великую Канцелярию

Аури-Эла».

Янг и Серана сразу же отметили, что пещера — помойка (буквально, в углу, где испражнялись тролли).

Ситуация не улучшилась, когда он объяснил, что является снежным эльфом, хотя Жону удалось уговорить Янг, указав на то, что у него есть глаза, и он говорит, действительно говорит, а не пытается их убить, и все пошло хуже, когда Гелебор объяснил сложный ритуал, необходимый для разблокирования самой часовни (захваченной фалмерами), чтобы они могли убить его брата, Архи-Курата Виртура, и получить Лук Ауриэля.

Даже Гелебор не мог отрицать, что все это выглядело утомительно и нелепо: ходить по разным Путям, наполнять кувшин водой из тазиков в каждом из них, а потом опорожнять его перед Часовней. По его словам, «это символично».

Узнать, что существует пять Путей, разбросанных даже за пределами пещерной системы? Почти так же плохо, как узнать, что первый находится в пещере, известной как «Даркфолл Пассаж», которая должна была символизировать «отсутствие просветления».

Другими словами, пещера, полная полной темноты, с полчищами фалмеров между ними и следующим Путем, который был лишь первым из пяти.

К счастью, после нескольких часов, проведенных в кишасей фалмерами пещере, первый Путь наконец привел их в огромную ледниковую долину, расположенную глубоко в горах.

Вид, конечно, впечатляющий, но их гораздо больше захватил вид большой открытой местности. Не теряя времени, Янг окликнула Дурнехвира, и тот быстро переправил их между оставшимися Путями и прямо ко входу в часовню Ауриэль.

Он бы полетел прямо в сердце часовни, но не смог пролезть в двери, какие бы широкие и величественные они ни были.

«Великая часовня Ауриэль», как она выглядела, не произвела на них особого впечатления. Конечно, это были древние руины, представляющие неисчислимую историческую и научную ценность, один из последних оставшихся остатков цивилизации Снежных Эльфов, существовавший до прихода человека в Тамриэль бог знает сколько времени, но все, что увидели Янг и Жон, это мрачное старое здание, полное льда, замороженных фалмеров и их странных питомцев-насекомых.

Кроме того, замороженные фалмеры время от времени оживали и пытались напасть на них, если они подходили слишком близко.

Если бы не тот факт, что замороженные фалмеры обладали силой льда, то их количество в неизвестных тесных коридорах древней часовни могло бы оказаться опасным. Однако, благодаря заклинаниям пламени Сераны и Янг, а также силе Янг и Жона (которая могла прорезать драконью шкуру), замороженные фалмеры только зря тратили время и силы, самоубийственно набрасываясь на троицу и погибая толпами.

Наконец, после нескольких часов махания, рубящих, режущих, колющих и бьющих ударов (Жон не мог не вспомнить о Гримм), они достигли того, что, по мнению Жона, было внутренним святилищем, и обнаружили снежного эльфа, сидящего на замороженном троне в окружении сотен замороженных статуй, защищенных от них толстой стеной льда. Не нужно было быть гением, чтобы понять, что это, скорее всего, брат Гелебора, Виртур; даже если бы

они не увидели семейного сходства, других снежных эльфов в мире точно не осталось.

В этот момент, несмотря на все, через что им пришлось пройти, чтобы добраться до Виртура, Жон был готов попытаться уговорить эльфа отдать им лук. В конце концов, Гелебор так и не понял, почему его брат должен умереть, а Виртур, похоже, еще ничего им не сделал.

Эта доброжелательность и благосклонность длилась до тех пор, пока Виртур не начал монолог о том, как эти глупцы сыграли ему на руку, приведя Дочь Колдхарбора прямо к нему, и не воскликнул, что их польза подошла к концу.

И тут, совершенно ожидаемым образом, замороженные фалмеры и насекомые ожили и начали роиться в единственных доступных им целях.

В отличие от прежних времен, когда они не были особенно опасны, когда их подходы ограничивались несколькими направлениями, большое внутреннее святилище позволило им использовать свое количество в своих интересах, окружая троицу и атакуя их со всех сторон. И хотя они не были особенно умны, они все же обладали некоторой долей дикой хитрости, пытаясь разделить троих и обойти их с флангов, атакуя их спины, пока они отвлекались.

Это было близко, но этого, конечно, было недостаточно. Трое сражались с армиями драугров, с многочисленными отрядами Волкихар, с Дурнехвиром и тремя Хранителями Каирна Душ одновременно, и в конце концов последние из замороженных фалмеров были разбиты или растаяли, а измученная и разъяренная троица обратила свой взор на Виртура.

Он пытался обрушить на них крышу и взорвать ледяную стену, посылая в троицу ледяные осколки, но в конце концов они настигли его и загнали в угол на большом балконе часовни, где он рассказал, что является вампиром, не подвластным фалмерам, и архитектором, стоящим за пророчеством о Тирании Солнца. И все потому, что...

— А что еще я должен был сделать?! — Гневно и вызывающе кричал Виртур, пока Серана продолжала душить его. — Аури-Эл предал меня, бросил меня, позволил зараженному Инициату войти в Канцелярию, чтобы заразить меня! Я отомщу!

Конечно, как бог, Аури-Эл не мог быть тронут Виртуром. Однако его влияние на мир не было недостижимо для Виртура; он планировал уменьшить влияние Аури-Эла на Нирн, испортив его лук и затушив солнце.

Янг могла понять его, даже если все это казалось ей смешным; в конце концов, она была Драконорожденной. Дитя Акатоша и все такое. Она, наверное, тоже была бы в ярости, если бы он вдруг ополчился на нее за то, над чем она не властна, хотя она сомневалась, что Акатош сделал бы что-то подобное, судя по тому, как он вел себя во время их разговора.

— Ты никогда не пробовал вылечить себя? — Холодно спросил Жон, считая действия эльфа невероятными. — Ты когда-нибудь покидал это место, чтобы искать решение своей проблемы?

— С какой стати? Я верно служил Аури-Элю; это был его долг...

— Значит, ты этого не делал. — Насмехался Жон, сложив руки. Он вспомнил свою собственную жизнь; он не просто сидел и ждал возможности отправиться в Бикон, чтобы стать героем. Ему пришлось проявить инициативу, сделать выбор в пользу бегства, поиска фальшивых документов, дешевых билетов из Ансея в Бикон. Эльф, с другой стороны... — Ты просто сидел на заднице все это время, тратил годы, обвиняя своего бога в бездействии.

— Как ты смеешь! Я-

— И что потом? Ты написал пророчество, которое разрушило жизнь моего друга и вызвало столько смертей и разрушений... и все для того, чтобы ты мог мелочно отомстить? — Жон продолжал, не желая, чтобы его прерывали. — И ты даже не попытался исполнить пророчество! Ты все еще просто сидел здесь и ждал, когда чистый вампир придет к тебе! Ты жалок!

Янг была согласна с Жоном, хотя и считала, что им повезло, что он оказался таким жалким. Ну и что, если бы Акатоша не было? Даже зараженный, он все равно остался бы им. У него все равно был бы выбор. Серана тоже кивнула, с ненавистью глядя на эльфа, который своим пророчеством разорвал ее семью.

— Хватит! — Прорычал Виртур. — Я не потерплю, чтобы со мной разговаривал какой-то ребенок, не говоря уже о том, чтобы он меня остановил!

— А как насчет такой, как я? — Тихо спросила Серана с опасной ноткой в голосе, когда Виртур начал яростно бороться. — Ты ждал, когда появится кто-то моей крови? Посмотрим, есть ли в твоей крови сила!

Арх-куратор Виртур, несмотря на тысячелетия бездействия, все еще был древним вампиром и бывшим верховным жрецом бога, со всеми вытекающими отсюда силой, навыками и опытом. Его машущие ноги соприкоснулись со средней частью тела Сераны, и, применив телекинетическую магию для увеличения силы, он оттолкнулся от нее, ослабив ее хватку, а затем послал еще одну волну силы в радиальном направлении вокруг себя, отбросив ее назад и освободив себя.

Виртур не терял времени, его хищные инстинкты соединились с яростью, и он быстро направился к человеку, который разозлил его больше всего.

Было время, когда Жон мог колебаться, например, когда он только пришел в Скайрим. Однако месяц борьбы с бандитами, вампирами и случайными культистами Мираака закалил его, и он, не теряя времени, поднял щит и приготовился к атаке.

Первый удар Виртура едва сдвинул его с места, но когда он контратаковал выпадом, Виртур отбил клинок, парируя его голыми руками, а затем приготовился в упор запустить в него порыв ледяного ветра, не дав ему возможности уклониться.

Затем Янг сзади пробила дыру в его древнем нагруднике и вырвала его сердце. Его глаза расширились, когда он почувствовал прикосновение Янг, прикосновение Драконорожденной, в его последние мгновения. Она была потомком Акатоша, и в ее прикосновении чувствовался намек на божественность Акатоша, на присутствие Аури-Эла.

Это было присутствие, которое он узнал бы, несмотря ни на что, даже после всех тысячелетий, Предательства, времени, которое он провел, лишенный его, и даже когда она разбила его сердце, даже когда жизнь, которая поддерживала его все это время, уткнулась из него, он в последний раз оглянулся на Внутренний Сангтум, на его руины, на мертвых Преданных, на символ солнца... на символ бога, который, как он всегда думал, оставил его.

Слеза упала из его древнего глаза, и с последним вздохом он прошептал: — Аури-Эль, прости меня...

Янг задыхалась, глядя на труп Виртура. Умом она понимала, что Жон не представляет собой

опасности для Виртура, благодаря его щиту и Ауре. В конце концов, она помогала обучать его, была с ним с самого начала, наблюдала, как из наивного мальчика он превратился в воина, в убийцу. Но, увидев, как вампир отклоняет его клинок, как он направляет заклинание в свободную руку... она вдруг потеряла дар речи, внезапно бросившись вдогонку.

Жон и Серана присоединились к ней, глядя на тело, но в то время как Серана пнула его один раз, прежде чем плюнуть на его труп, Жон посмотрел на жестокую рану и спросил: — Это... было слишком, ты не находишь?

Янг вздрогнула, но не успела ответить, как из-под земли начало подниматься сооружение на большом балконе — святилище, похожее на те Пути, которые они посетили за прошедший день. Когда все трое немедленно повернулись к святилищу, Гелебор вышел из него, держа в руках богато украшенный металлический лук, и остановился, глядя на часовню и тело, которое они окружали.

— Итак, дело сделано. — Печально пробормотал Гелебор, подходя к телу брата. Он опустился на колени и почтительно закрыл глаза брата, а затем оглянулся на троицу. Заметив их недоверчивые взгляды в сторону пещеры, из которой он вышел, он быстро объяснил: — Восстановление этого пути означает, что Виртур мертв, а Преданные больше не контролируют его.

Трио посмотрело друг на друга, обменявшись взглядами, прежде чем Серана неохотно заговорила: — Преданные... не виноваты.

— Что? — Гелебор растерянно моргнул. — О чем ты говоришь?

— Он был вампиром. — Серана объяснила. — Он контролировал их.

— Вампир? — Повторил Гелебор, пристально рассматривая своего брата. После минутного изучения тела он закрыл глаза и вздохнул: — Понятно. Это многое объясняет. В глубине души меня радует, что Преданные не виноваты в том, что здесь произошло.

— Правда? Почему? — Янг заговорила, недоумевая, почему Гелебор, казалось, был рад тому, что его брат, очевидно, предал свою веру и выживших представителей его расы.

— Потому что это значит, что надежда еще есть. — Гелебор ответил, глядя на символ Аури-Эла в часовне с грустной улыбкой. — Надежда, что однажды они смогут избавиться от своей ненависти и снова научиться верить в Аури-Эла. Я давно не испытывал таких чувств, и это давно назрело. Моя благодарность всем вам.

— Не за что... — Ответил Жон, больше из вежливости, чем из чего-либо другого. Странное чувство, когда кто-то благодарит его за убийство брата, а потом открывает ему, что его брат был злым вампиром, который контролировал фалмеров, а не был развращен ими, но, опять же, Скайрим был странным местом. Он, конечно, не чувствовал себя героем, но понимал необходимость этого.

— Ты рискнул всем, чтобы заполучить Лук Аури-Эль, и в свою очередь ты восстановил Чантри. — Провозгласил Гелебор, протягивая лук и колчан стрел. — Я не могу представить себе более достойного чемпиона, чем вы, любой из вас. Если вы захотите узнать больше о луке или получить для него больше стрел, я буду рад помочь. Тебе стоит только попросить.

Янг осторожно взяла протянутые лук и колчан и сразу же почувствовала связь с ними. Держать его в руках было все равно что снова оказаться в присутствии Мартина;

божественность была явной, хотя и приглушенной. Сам лук был легким, но прочным. Она не думала, что Серана сможет до него дотронуться, ведь она вампир, но ей было интересно, сможет ли Жон воспользоваться запасным оружием. В конце концов, он тренировался, чтобы стать Охотником; он должен был научиться пользоваться луком, верно?

Серана смотрела на артефакт со смесью благоговения и отвращения, но потом любопытство взяло верх, и она спросила Гелебора: — Итак... что вы можете рассказать нам о луке Ауриэля?

— Говорят, что этот лук носил сам Аури-Эл в битве против сил Лорхана в древние и мифические времена. — С энтузиазмом объяснил Гелебор. — Его мастерство не имеет себе равных нигде в Тамриэле и, возможно, за его пределами.

Жон посмотрел на лук и кивнул в знак согласия. По крайней мере, он не видел ничего подобного в Ремнанте.

Серана, тем временем, нетерпеливо продолжала: — Да, да, это очень интересно, но что он может делать?

Гелебор выглядел разочарованным тем, что его урок истории прервали, но он продолжил: — Лук получает энергию от самого Этериуса, направляя ее через солнце. Поэтому, когда стрела вылетает из лука, она производит магический эффект, очень похожий на ожог огнем.

Серана моргнула, попыталась представить, какой эффект это произведет на нее (и на вампиров в целом), и вздрогнула. — Звучит... мощно.

— На самом деле это лишь малая часть его потенциала. С помощью Стрел, Освященных Солнцем, ты сможешь произвести гораздо более впечатляющий эффект... вызвать всплески солнечного света, которые окутают твоих врагов. Солнечные вспышки, конечно, могут повредить что угодно, но особенно разрушительны для нежити.

Серана могла поверить в это, ведь она уже несколько раз попадала под удар солнца. Лук Ауриэля, безусловно, был мощным артефактом... но какое отношение он имеет к пророчеству? С ее кровью? Она должна была знать, хотя бы для того, чтобы знать, чего не следует делать. — Свитки... Я имею в виду, Виртур, что-то говорил об использовании крови?

Гелебор посмотрел на нее долгим взглядом, обдумывая ее слова, но, видимо, решил отдать ей должное и объяснил: — Ну, использование стрелы из лука, обмакнутого в кровь, может привести к тому, что она будет работать по-другому... испортит ее назначение. Это, конечно, если ты достаточно глупа, чтобы попробовать.

Серана поняла смысл сказанного громко и четко и поблагодарила его за уделенное время, поклявшись втайне никогда не подпускать свою кровь к луку. Затем она отошла, увлекая за собой Жона и Янг, и начала: — Ну... он не такой блестящий, как я ожидала... но лук у нас есть.

— Да, пиявка, мы знаем. — Ответила Янг, закатывая глаза.

Жон, однако, уловил подтекст и спросил: — Итак... что же нам теперь делать?

— Я думаю, мы все знаем... пришло время встретиться с моим отцом. — Решительно ответила Серана. Благодаря Жону, благодаря его заботе, его противостоянию с матерью, она нашла в себе мужество признать этот простой факт. — Если мы этого не сделаем, он будет преследовать нас до конца наших дней.

— Если мы сделаем это, ему придется умереть. — Янг нахмурилась и сложила руки. Она все еще помнила существо, с которым они столкнулись, когда впервые спасли Серану. Даже с их новым оружием, даже с их силой, она не знала, достаточно ли этого.

— Я знаю. Я долго думала об этом. — Призналась Серана. — Это... это будет нелегко. Но я не думаю, что у нас есть выбор. Нет. Это должно закончиться, здесь и сейчас.

— Должно. — Согласился Жон, шагнув вперед, положив руку ей на плечи, и успокоил ее: — И мы встретимся с ним лицом к лицу. Вместе.

Серана улыбнулась ему, и ее улыбка превратилась в ухмылку, когда она увидела, как Янг закатила глаза, пытаясь скрыть свои поджатые губы. Затем она подумала о предстоящей битве и нахмурилась. — Если мы вернемся в замок и выбьем входную дверь, то окажемся по колено в его друзьях. Давайте вернемся к Израну, пусть он сначала посмотрит, что у нас есть. Держу пари, он одолжит нам меч или два.

— Не думаю, что этого будет достаточно. — Вмешалась Янг. — У Стражей Рассвета всего две дюжины человек? Даже с их гончими и троллями их будет недостаточно, если мы будем осаждать этот замок.

— Ну, а что еще мы можем сделать? — Спросил Жон. Они знали, что Янг права; это была крепость на острове в глуши; им повезло один раз, с единственной гребной лодкой и всего тремя людьми, но безопасность должна была возрасти после того, как они сбежали на спине Дурнехвира. В то же время, ради Скайрима, мира и Сераны, они должны были как-то остановить Харкона.

Янг ухмыльнулась Жону и ответила: — Мы можем знать кое-кого.

«ЙОРРВАСКР, ВАЙТРАН, ТРИ ДНЯ СПУСТЯ»

— А, Драконорожденная! С возвращением! — Аэла с энтузиазмом приветствовала Янг, впервые войдя в Йоррваскр с тех пор, как отправилась навестить Седобородых. Она чувствовала, что ее что-то гложет, что-то, что она должна была сделать для Седобородых, но решила пока не обращать на это внимания. В конце концов, по сравнению с тем, что им предстояло сделать, это было гораздо важнее.

— О, Драконорожденная вернулась? — Риа взволнованно огляделась вокруг со своего места за столом. — Сколько времени прошло! Чем ты занималась? Мы слышали слухи о тебе и Жоне только последний месяц или около того... Кстати, а Тошнотик все еще с тобой?

— О, привет, Риа. — С дружелюбной улыбкой и взмахом руки отозвался Жон, входя вслед за Янг в медоварню соратников. — И поверь мне, ты неверишь мне, если я скажу тебе...

— Хорошо, теперь тебе определенно нужно... кто это? — Голос Риа, обычно теплый и дружелюбный, вдруг стал морозным, как скайримская зима, когда она заметила третьего члена троицы, вошедшего в Йоррваскр.

Серана тоже заметила внезапную враждебность и вздрогнула, когда смущенный Жон быстро объяснил: — Это... Серана.

— У нее есть просьба к Соратникам. — Добавила Янг, которую втайне забавляла неожиданная враждебность Риа по отношению к Серане.

— О? — Аэла подняла бровь. Она не была в восторге от новой спутницы Янг и Жона, хотя и сама не могла ответить, почему, но она более умело контролировала свои страсти, чем Риа, что было необходимо для человека ее положения. — И стоит ли монета того?

— Я думаю, что бой будет стоять. — Ответила Янг с дикой ухмылкой. — Скажи, ты не замечала в последнее время нападений вампиров?

— Просто все время. — Аэла насмешливо хмыкнула.

Риа кивнула позади нее. — Да, похоже, в последнее время к нам поступают просьбы помочь страже... между войной, драконами и нападениями вампиров дела... не самые лучшие. Я слышала, что там, где происходят стычки, все гораздо хуже...

Янг спрятала раздражение и молча поклялась отправиться в Кайнсгроув, как только Харкон превратится в пыль. Вслух же она просто сказала: — Что, если я скажу вам, что знаю, как остановить вампиров?

В комнате воцарилась тишина; даже Ньяда Стоунерм (которая притворялась незаинтересованной), Торвар (слишком пьяный, чтобы беспокоиться) и Тильма Хаггард (древняя смотрительница Йоррваскра) стояли (или сидели) чуть прямее, а уши наострились еще больше.

— Так вот чем вы занимались? — Спросила Аэла, приподняв бровь, хотя и почувствовала, как на ее лице начинает расти дикая ухмылка.

— Это долгая история. — Устало ответил Жон. — Но да, мы знаем, где они, и знаем, как их остановить. Ключ — этот лук...

— Клянусь Девятью, мальчик, что случилось с твоим мечом?! — Прогремел голос сзади, когда Эорлунд Грей-Мейн, кузнец Соратников, вошел в медоварню и заметил молодого крестоносца и его оружие.

— Чт-что? — Заикаясь, произнес Жон, когда Эорлунд подошел к нему.

— Почему ты используешь малахитовое стекло, как эльф, вместо хорошей нордической стали, мальчик?! — Повторил Эорлунд, выхватывая меч, который Жон раздобыл где-то в Блэкриче. — И состояние этого меча ужасно! Ты что, совсем не ухаживал за своим клинком?!

Жон поморщился, чувствуя, что Глинда Гудвич читает ему лекцию (да еще и в портовом объеме), но он также знал, что молчать — худший вариант из всех возможных. Поэтому, к всеобщему веселью, он сглотнул и ответил: — Мой предыдущий меч сломался, когда мы сражались с каким-то гигантским роботом...

— Двимерский Центурион, Тошнотик. — Янг помогла.

— Это, да. А это я нашел в соседней пещере. — Неубедительно закончил Жон.

Эорлунд осмотрел его и удовлетворенно кивнул. — Хорошо. Я знал, что ты не из тех, кто любит хрупкие клинки, когда встретил тебя. А почему твой меч в таком ужасном состоянии?

— ... армия замороженных фалмеров. — Жон пожал плечами.

— ... он шутит, да? — Аэла спросила Янг, которая покачала головой.

— ... Я думала, что фалмеры — это просто миф, сказка на ночь, чтобы пугать маленьких детей...
— Призналась Риа, расширив глаза от благоговения, прежде чем полностью осмыслить слова Жона. — Подожди, что ты имеешь в виду, говоря о фалмерах?

— ... они были заморожены так долго, что их тела частично превратились в лед. — Серана заговорила, в то время как Янг пожала плечами, а Эорлунд оттащил Жона.

— ... как долго мы говорим?

— Вероятно, до Талоса. — Ответила Янг. — Это был единственный способ получить лук...

— Это великолепный лук... — Признала Аэла, снова притягивая к себе взгляд. — У него есть имя?

— История знает его как Лук Ауриэля. — Тихо прошептала Янг, и у Аэлы отпала челюсть.

К ее чести, она быстро оправилась от шока и спросила: — Сколько за него дадите?

— Он не продается. — Сказала Янг, сложив руки. — Он нужен нам, чтобы остановить пророчество, за которым охотятся вампиры.

Аэла сразу поняла, что дело проиграно, и, хотя обычно она бы не возражала против попытки, что-то в тоне Янг заставило ее уступить. — Ладно, хорошо. Мы обсудим цену после того, как вы победите вампиров. Итак, вы сказали, что вам нужна наша помощь в борьбе с вампирами? Против чего мы выступаем?

— Крепость на острове посреди Моря Призраков. Древний клан вампиров, известный как клан Волкихар. И они хотят использовать этот лук, чтобы затмить солнце и поработить всех остальных. — Янг просто изложила факты.

— Клан Волкихар... они иногда появляются в исторических записях... — Задумчиво ответила Аэла, хотя чувствовала, как ее кровь начинает закипать от волнения. — Кто-нибудь еще присоединится к нам?

— Только Стражи Рассвета, и все блюстители, которых мы сможем найти.

На этот раз Аэла не смогла скрыть свою дикую ухмылку. Она слышала о Стражах Рассвета; ей не нравилось, что они конкурируют за бизнес, но она могла уважать их силу. Но важнее другое... — Звучит не очень хорошо.

— Это не так. — Признала Янг, прежде чем спросить: — Ну что, ты в деле?

— Я скажу Кодлаку и остальным, но думаю, они с радостью сделают это бесплатно. — Аэла уже чувствовала запах вызова, крови, летящей отовсюду, когда их сталь встретится с древними клыками и магией. Если ничего другого нет, то это было бы славно.

Янг усмехнулась в ответ, но тут же нахмурилась, заметив пропажу блондина. Подозрительно оглядевшись вокруг (и особенно на Риа), она спросила: — Подождите, а где Жон?

— Ах, не волнуйся. — Аэла успокоила ее. — Эорлунду просто нужен был повод, чтобы дать ему то, над чем он работал весь месяц. Хотя вы двое — самые новые Соратники, убийство было вашим, в конце концов...

— ... что ты имеешь в виду? — Янг ответила, смутившись, в то время как Серана наклонилась

вперед. Что бы они ни обсуждали, это произошло раньше, чем она присоединилась к ним, и поэтому ее любопытство было возбуждено.

— Помнишь того дракона, с которым вы сражались, когда только пришли сюда? — Взволнованно ответила Риа. Янг осторожно кивнула, что Риа восприняла как приглашение продолжать: — Ну, после того, как стражники притащили его скелет обратно, Эорлунд решил, что из него можно сделать хороший материал для работы.

— ... ты шутишь, да? — Серана заговорила первой, так как Янг была ошеломлена и потеряла дар речи.

— Не совсем. Это заняло некоторое время, но ему удалось получить материалы из Солстхейма, и он сказал, что наконец-то совершил прорыв! Он назвал это своей лучшей работой, хотя он говорит это о каждом мече, который он выковывает...

— Эй, Янг! — Жон помахал ей рукой, входя в медоварню с задней стороны. — Посмотри, что подарил мне Эорлунд!

Челюсть Янг упала в тот же миг, и Серана почувствовала себя растерянной. Хотя она, конечно, наслаждалась тем, что Янг потеряла дар речи, Серана никогда раньше не могла вызвать такую реакцию. И все, что для этого потребовалось, это...

— Прочнее черного дерева. И тяжелее. — Эорлунд одобрительно кивнул, идя позади Жона, а зал уставился на клинок из драконьей кости. — Он выдерживает удары молота или щита, не сгибаясь, а если враг подойдет слишком близко, ты все равно сможешь ударить его острием или оттолкнуть весом. Гораздо лучше, чем легкие эльфийские, которые годятся только для рубки.

— И в ножнах помещается! Спасибо, Эорлунд! — Возбужденно сказал Жон, держа его подальше.

Янг не могла не улыбнуться, видя, как он теперь общается с соратниками, гораздо более естественно, чем раньше. Он был бы отличным Нордом, если так радовался новому оружию. Ей нужно было только уговорить его выпить с ней медовухи...

Янг отвлеклась от своих мыслей, когда Эорлунд бросил ей что-то еще, и, посмотрев вниз, она обнаружила пару перчаток из драконьей кости. Она оглянулась на Эорлунда, тот улыбнулся и ответил: — Вы двое убили дракона; будет справедливо, если вы получите что-то от этого.

— Как мы можем отплатить вам? — Спросил Жон.

— Мальчик, ты дал этому старому кузнецу возможность работать с драконьей костью. Я только что совершил революцию в кузнечном деле в Скайриме! — Эорлунд рассмеялся и хлопнул Жона по спине. — Просто береги свой клинок и используй его правильно.

— Я должна тебе выпить, Эорлунд. — Янг благодарно кивнула головой, хотя внутренне ей не терпелось опробовать свои новые перчатки на черепе Волкихар. Однако она не могла отделаться от мысли, что ей чего-то не хватает...

— Может, мне зачаровать твой клинок? — Предложила Серана, шагнув вперед.

Янг одобрительно кивнула, решив, что именно об этом она забыла. Большая часть силы Жона исходила от его Ауры; ей не терпелось увидеть, как чары Разрушения Сераны будут заряжены

аурой Жона в единственном в мире клинке из драконьей кости.

Между этим, перчатками, луком, Сортаниками и Стражами Рассвета, она впервые почувствовала оптимизм по поводу их шансов на успех.

Примечание автора: Изначально я написал эту главу с полным описанием квеста по исследованию Чантри. Но я отбросил ее, потому что, ну... насколько длинной вы хотите видеть эту главу?! Она была бы от 15 до 20 тысяч слов, если бы я это сделал! У меня ушли бы недели, если не месяцы, на написание!

Главное, что вы должны помнить о Нирне в целом, это то, что Боги и концепция божественного вмешательства не настолько невероятны, как это было бы в Ремнанте во времена Жона (то есть после того, как Братья-Боги уничтожили человечество и покинули Ремнант, за тысячелетия до падения Бикона) или в реальном мире. Мир Нирна — это мир, где даэдра создавали порталы из Обливиона посреди городов и убивали бесчисленное количество мирных жителей по всему континенту, прежде чем последний император Септимов Третьей Эры стал драконом, буквальным аватаром главного бога пантеона, и сразился в одиночном бою с даэдрическим принцем Мехрунесом Дагоном.

Черт возьми, даже Янг, как последняя Драконорожденная, несет в себе искру божественности как дитя Акатоша, и поэтому любое ее действие можно считать буквальным божественным вмешательством.

А для Виртура все было бы еще хуже. Он был достаточно стар и опытен, чтобы претендовать на звание архикурата Ауриэля, главного божества эльфийского пантеона, в Меретическую эпоху, когда люди впервые пришли в Скайрим. Его статус и империя снежных эльфов, частью которой он должен был стать, существовали еще до появления в Скайрime Кюльта Дракона. Возможно, он даже был достаточно взрослым, чтобы быть там, когда Ауриэль якобы возглавил отряд против Лорхана, прежде чем сам вознесся к божественности (так гласят эльфийские мифы).

В любом случае, я хочу сказать, что представьте себе религиозного и набожного человека, апостола, который, возможно, даже видел, как его господин стал божеством, и провел века, действуя как проводник между Ауриэлем и Снежными Эльфами, донося послание Ауриэля до своего народа и приближая свой народ к Ауриэлю.

Затем его подвели, поразив изнурительной болезнью одного из его собственных посвященных, от которой, как он знал, его бог мог бы его защитить. В конце концов, у него были уши бога, всемогущего существа. И все же его бог не защитил его, и когда он молится, его мольбы, кажется, остаются без ответа.

А потом он тысячелетиями наблюдал, как империя его народа рушится вокруг него, как примитивные обезьяны, которых они когда-то вырезали и изгнали с континента Тамриэль, возвращаются, жаждая мести. Пусть он наблюдает, как снежные эльфы скрываются,

вынужденные искать убежища у двумеров, а двумеры предают их, ослепляют ядом и превращают в извращенных фалмеров. Фалмеры, которые затем напали на Чантри и убили последних оставшихся Снежных Эльфов.

Я знаю, что Арх-Курате Виртур написал пророчество до нападения на Чантри, перестал заботиться о последних Снежных Эльфах до того, как они были убиты, но первого пункта должно быть достаточно, чтобы проиллюстрировать, почему, несмотря на свою прежнюю набожность, он обратился против Ауриэль и написал пророчество, которое ограничило бы его влияние на мир, и почему, когда команда Драконорожденной встречает его, его единственными словами являются оправдания, отговорки, обвинение Ауриэль во всем.

И я надеюсь, вы можете понять, почему Жону это кажется таким нелепым.

Что же касается правды? Действительно ли Ауриэль покинул Виртур? Было ли все это испытанием веры, когда Виртур мог бы, вероятно, найти лекарство, если бы взял выходной, чтобы поискать его?

Я не знаю.

Однако он вызывает у меня симпатию; мне кажется, я гораздо лучше описал взаимодействие между ним, Сераной и Драконорожденной в моей оригинальной истории Skyrim, где у главных героев есть причина задуматься о его судьбе. Но Жон другой; его не волнуют вопросы веры, и поэтому все происходит так, как происходит.

Кроме того, хотя Жон уже смирился с убийством человеческих и гуманоидных врагов, ему определенно еще не по душе хладнокровное убийство. Именно поэтому я заставил Виртура вырваться и попытаться убить Жона первым, а не просто попросил Серану свернуть ему шею после того, как они загнали его в угол и он произнес монолог.

И да, нападения фалмеров на самом деле не так уж часто встречаются в Скайриме в этот период времени. Они представляют собой растущую угрозу, но между войной, растущим бандитизмом, драконами, вампирами и культистами, поселения затихают, а массовые убийства не являются чем-то неслыханным, и у большинства мест нет ресурсов для расследования.

<http://tl.rulate.ru/book/71357/1975001>